

Говорит делегат Венского фестиваля

Такой порядок нам не понравился

В ОЗМОЖНА экскурсия на Венский вагоностроительный завод. Кто желающий?

Предприятие, куда мы прибыли на следующее утро, оказалось национализированным. 25 процентов его общей прибыли шло в пользу магистрата, остальные доходы делились между совладельцами кампании. Первое, что бросилось в глаза — безукоризненная чистота. Нигде не увидишь ни ржавой гайки, болтика, брошенной за ненадобностью проволоки. За этим порядком следят сами рабочие, вернее, вынуждены следить: малейшее нарушение — положил не на место инструмент, заготовку, стружку, карается штрафом или увольнением. Без всякого обжалования.

Постоянный чинный порядок царит во всем. Даже в том, как приветствуют рабочие хозяев сразу общим почтительным полупоклоном, и то чувствуется одна линия, отклониться от которой нельзя. На заводе нам рассказывали такой случай, который произошел здесь за день до нашего приезда. Рабочий, не заметив проходящего мимо него «хозяина», не поклонился ему. Сразу после смены ему корректно предложили взять расчет. Он попытался выснить причины столь скоропалительного решения и услышал ответ: «За непочтительность и грубость».

Мы с удовольствием осмотрели бытовые помещения. Все здесь сверкало белизной, свежестью. Неприятно было только то, что один из совладельцев фирмы, любезно сопровождающий нас по заводу, показывал это нам, утверждая, что это и есть самый яркий пример заботы о трудящихся. Но в то же время на наш вопрос: «У вас работает много женщин, а где они оставляют своих детей?», он бросил пренебрежительный: «Представьте себе, даже не интересовались. У нас частное предприятие, а не общество филантропов. Делами благотворительности мы предоставляем заниматься городскому магистрату».

С какой гордостью глава солидной фирмы говорил нам о том, что для молодых рабочих каждый год открыты специальные курсы, куда принимают 50 человек. Конечно, эта цифра показалась мне мизерно ничтожной, когда я вспомнил про размах технической учебы только на одном нашем комбинате. Конечно, в этой беседе мы ниче-

го не услышали о том, что молодой рабочий здесь фактически лишен всяких прав. Выполняя одинаковый труд с кадровыми рабочими, он получает всего лишь $\frac{1}{3}$ заработка. Оплата женского труда тоже гораздо ниже. Но возражать не приходится, таков «порядок». По этому же «порядку» молодой человек не будет иметь ни копейки в случае болезни, безработицы.

Некоторых, может быть, заинтересует такой факт, откуда же берутся на этом предприятии пособия? Объясню: из рабочего кармана. Каждую зарплату токарь, слесарь, монтер откладывает для профсоюза одиннадцать процентов. Из них потом и насчитываются деньги для оплаты отпусков по болезни, пособий по старости, безработице. Не подумайте, что это взносы. Нет, взносы, прочие налоги идут само собой, помимо этих одиннадцати процентов. Если рабочий оказывает выброшенным на улицу за малейшее нарушение, он не получит из этих денег ни копейки.

— 1500 шиллингов — таков заработок нашего среднего рабочего, — продолжал объяснять нам любезный гид. — Как будто неплохо.

Однако эта цифра на нас уже не действовала. Мы знали другое. Например, лечение перелома ноги в поликлинике стоит 14 тысяч шиллингов. Один только прием у врача стоит 200 шиллингов, визит детского врача — 100 шиллингов. Или другой пример: простая женщина никогда не может рассчитывать на роды в прекрасном оборудованном родильном доме. Для этого ей пришлось бы заплатить четыре тысячи шиллингов. Обязанности бабок-повитух или акушеров в Австрии несут полицейские. Да, да, именно полицейские. Большинство из них даже оканчивает специальные курсы. Они же оказывают первую помощь при несчастных случаях. За это они получают определенную мзду, которая более-менее по карману среднему рабочему.

Молодость пленила Вену

К ОГДА наши автобусы зашуршали шинками по асфальту венских окраин, рабочих кварталов, люди мгновенно заполнили тротуары. Сотни улыбок, тысячи дружески поднятых приветствующих рук. Центр Вены встретил значительно холоднее, встречались глаза любопытные, иногда настороженные, изредка злые. Видимо, сюда проникла пропаганда антифестивального комитета, предсказывающего «экспорт коммунистических идей», «яркую коммунистическую пропаганду». Но когда на следующий день огромная колонна участников фестиваля двинулась на стадион, венцы заполнили до отказа трибуны. Уже этот момент поверг в прах предсказания о провале фестиваля. Да и как можно было остаться равнодушным, когда мимо по улицам двигалась многоголосая шумливая звенящая колонна молодых, сильных приехавших сюда в Вену за тысячами километров из 112 стран.

На трибунах рядом с людьми в потертых пиджаках с мохлястыми руками сидели чопорные дамы, пристроившие на коленях мосек, болонок, затушевые в черные смокинги мужчины. Начались официальные речи, на всех лицах внимание, некоторое

удивление, которое можно было расшифровать только так: «Странно! Никто никому не называет свой строй, свои праздники, говорят о мире, дружбе. Как это же интересует всех, никому не хочется увидеть еще одну войну».

А что стало с солидной сдержанной публикой, когда на середине круга вырвались, отделившись лихие колена, удалые парни из Воронежского ансамбля песни и пляски.

Бесконечные взрывы восторга прорывались во время выступлений 120 чешских спортсменов, показавших в вольных упражнениях художественной гимнастики поразительную гибкость, пластику.

Было уже темно, когда объявили о концерте китайской мо-

В Магнитогорск вернулся делегат VII Всемирного фестиваля молодежи мастер мартеновского цеха № 3 Андрей Павлов. Сегодня в нашей газете он выступает с рассказом об этом замечательном событии: празднике молодежи всех пяти континентов.

Встреча друзей

Н А СЛЕДУЮЩИЙ день после праздника открытия фестиваля начались встречи по профессиям и интересам. Я делал доклад на встрече металлургов. Он почти весь состоял из фактов, цифр о жизни металлургов. Перевод велся синхронно, поэтому каждый успевал все понять и даже записать. Вопросов было много. Особенно интересовало, как относятся на наших заводах к прогрессу техники, к автоматизации и механизации производства. Молодые металлурги капиталистических стран то один, то другой гневно восклицали:

— Технический прогресс для нас — бич, губящий, растаптывающий человеческие жизни. Это — безработица.

Чтобы лучше понять их возмущение, приведу такие цифры: Количество рабочих на предприятиях кампании «Вестингауз» США сократилось за четыре года на двадцать пять процентов. На автоматизированных предприятиях за границей резко увеличивается интенсивность труда и нервное напряжение. Результат его — увеличение заболеваемости, количество увечий. Так, на заводах «Рено» (Франция) в 1951 году было 192 случая производственной заболеваемости, в 1954 году — уже 514 случаев. По данным X. и А. Сомерс ежедневно в промышленности США 320 человек остаются калеками.

— Это, конечно, не может не волновать молодежь — так начинали свои выступления французы, итальянцы, шведы. В унисон с этим вопросом шла другая тема: «Мы не хотим войны» — говорил каждый.

— Наши парни отказываются быть пушечным мясом, — бросал с трибуны молодой металлург из Федеративной республики Германии. Мы за единение с братьями из ГДР. Виногато только правительство Аденауэра, которое ведет раскольническую политику. Никогда мы не возьмем в свои руки смертоносное оружие. Мир для всех!

С трибуны выступающий сразу же попал в немцев, немецких металлургов из Германской Демократической Республики.

Так говорили, так думали все делегаты фестиваля.

На подобных встречах не присутствовали фотокорреспонденты, не назывались фамилии выступающих. Это не случайно. Все делегаты Московского фестиваля из Испании сидят сейчас в тюрьме. Эта же участь грозит и многим другим, поэтому поездка на фестиваль в Вену для некоторых зарубежных друзей — это настоящий подвиг, который требует огромной воли, самоотверженности.

„Мы разнесем идеи фестиваля“

Эти слова через переводчика нам сказали рослые темнокожие парни из далекого Сомали. — Они понесутся от города к городу, от деревни к деревне. Наш народ почти неграмотный, — продолжали они, — но то, о чем говорилось на Московском фестивале, вам скажет каждый. Там желали Африке свободы и всем людям мира дружбы. Узнают они также и о Венской встрече молодежи.

Хорошие слова, золотые мысли! Их снова разнесут по миру горячие молодые сердца — в этом главное значение фестиваля.

Черные и белые, христиане и мусульмане, социалисты и консерваторы, комсомольцы и лейбористы — все они еще раз убедились, что их роднит одно желание — жить и трудиться под мирным небом. Фестиваль показал, что есть реальные пути к соглашению и урегулированию нерешенных международных вопросов, что когда люди хотят договориться, ничего им не может помешать.

Вена. VII Всемирный фестиваль. Встреча молодых учителей. Учительница Красноярской средней школы № 11 Е. Г. Ротанова (в центре) дарит значок румынской учительнице Текле Вучи.

лодежи. Свет прожекторов погас. Из густой темноты ночи, извиваясь и дрожа от бешеной погони за мячом, на стадион вылезли два дракона, зеленый и красный. Иллюзия была совершенно полной. Сказочные чудовища, как-будто сошедшие с листов старинных китайских репродукций, выдыхали целые снопы огненного пламени.

Мы часто у себя бываем на прекрасных концертах, восторгаемся, аплодируем. Но только в Австрии, на чужой земле я понял все великолепии, необычайную силу нашего советского искусства, которое может растопить любой лед, смести любые преграды. Трудно подыскать даже знатоку слова, чтобы описать мастерство, великолепие ленинградского балета. Не надо

— Вена ничего подобного не знала. Русское искусство потрясло ее.

Не забудет, конечно, никто из присутствующих на этом концерте солиста Георгия Красулю, влившего в зал широту, полноту волжских волн, на которых показались расписные Стеньки Разина челны. Такая русская широта, простор слышалась в этом напеве, что мы забыли, где находимся. Россия мощная, величаяя стояла перед нами. Зрители были потрясены. Те русские, вывезенные сюда еще детьми после революции и совершенно не помнившие ни шепота берез, всплесков матушки-Волги, пригнувшись рыдали, не скрывая тяжелых и горячих слез.

Россию знают, Россию любят

К ОГДА меня спрашивают, что мне больше всего запомнилось во время фестиваля, я мгновенно представляю шестие молодежи, движущейся через национальный парк «Пратер». Как ни размахист шаг юношей и девушек, но под натиском бурных чувств австрийцев, каждый из которых стремится обязательно пожать руки гостям Вены, колонны продвигались все медленней и медленней. Полиции пришлось поддерживать порядок, охранять стройность рядов, просить венцев не напирать, не мешать шествию.

Но одна маленькая худенькая старушка со слезами на глазах упорно старалась протиснуться к русской делегации. Отчаянно жестикулируя, она что-то быстро говорила, прижимая руки к сердцу. Переводчик, вслушиваясь в быструю речь, перевел:

— Она хочет поцеловать красное знамя, которое увидела, наконец, на улицах своего родного города.

Уже только при одном слове «русский», «Россия» лица окружающих мгновенно светлели. Однажды пришлось столкнуться с человеком, по моему мнению, самой неприятной, малопочтенной профессии — полицейским. Правда, как потом оказалось, это был регулировщик уличного движения. Несколько лет он провел в России, сражался в интернациональной бригаде в Мадриде, потом попал раненым к итальянским фашистам, восемь лет провел в Бухенвальде. Надо было видеть с какой теплотой говорил этот старый больной человек о советских людях и даже сибирских морозах.

Стоило нам затянуть «Катюшу», «Россию», «Марш энтузиастов», как эти песни мгновенно подхватывали на улицах и кафе.

— А раз знают и любят песни, значит любят и Россию — толковал нам на ломаном русском языке пожилой австриец, сдавшийся в плен под Москвой в 1942 году.